

Клецкая Светлана Ильинична

О МЕХАНИЗМАХ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В "ДИКИХ ЖИВОТНЫХ СКАЗКАХ" Л. С. ПЕТРУШЕВСКОЙ

Статья посвящена механизмам смыслопорождения в цикле "Дикие животные сказки" Л. С. Петрушевской. Автор приходит к выводу, что основным механизмом являются взаимная проекция и смещение человеческого и животного миров. В статье на примере образа клопа Мстислава рассматриваются эффекты такой взаимной проекции, которая ведет к переосмыслению атрибутов двух миров и возникновению параллельных смыслов, сосуществующих в одном контексте, а также иллюстрируется наличие "парадигматических" рядов персонажей, выстраиваемых на основании их сходства или общей идеи, которую они воплощают.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 28-30. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82:81

Статья посвящена механизмам смыслопорождения в цикле «Дикие животные сказки» Л. С. Петрушевской. Автор приходит к выводу, что основным механизмом являются взаимная проекция и смешение человеческого и животного миров. В статье на примере образа клопа Мстислава рассматриваются эффекты такой взаимной проекции, которая ведет к переосмыслению атрибутов двух миров и возникновению параллельных смыслов, сосуществующих в одном контексте, а также иллюстрируется наличие «парадигматических» рядов персонажей, выстраиваемых на основании их сходства или общей идеи, которую они воплощают.

Ключевые слова и фразы: «Дикие животные сказки»; Петрушевская; сказка; литературная сказка; авторская сказка; зооморфная метафора; подтекст; смысловой синкретизм.

Клецкая Светлана Ильинична, к. филол. н.
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
kleckaja@inbox.ru

О МЕХАНИЗМАХ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В «ДИКИХ ЖИВОТНЫХ СКАЗКАХ» Л. С. ПЕТРУШЕВСКОЙ

«Дикие животные сказки» Л. С. Петрушевской (далее – ДЖС) уже становились объектом внимания исследователей. Авторы анализировали цикл в целом [7], а также отдельные аспекты, например, имена персонажей [2] и систему заглавий [9], имеются аналитические исследования отдельных текстов цикла [1; 5]. ДЖС рассматривались в контексте сказочного творчества Л. С. Петрушевской [8; 11], а также в сопоставлении с творчеством других писателей [4; 10].

Основной механизм порождения образа персонажа в ДЖС – это взаимная проекция животного и человеческого миров, а также их смешение [3, с. 79; 4, с. 222]. В данной статье механизмы смыслопорождения в ДЖС будут рассмотрены на материале ключевого примера – клопа Мстислава, который появляется в различных текстах цикла. С одной стороны, это позволит провести исчерпывающий анализ конкретного образа; с другой стороны, этот анализ станет основанием для проведения параллелей с другими образами ДЖС.

Первое появление клопа Мстислава происходит в тексте «В дороге», который открывает ДЖС. Обратимся к его завершающей фразе, на которой мы остановимся подробнее: *«В целом пир вышел отличный, только поговорить Мстиславу было не с кем, обсудить погубленных предков, и он запел любимую “Постель была расстелена”, слова Евтушенко»* [12, с. 12].

Текст «В дороге» повествует о путешествии персонажей-насекомых (клопа Мстислава, таракана Максимки, мухи Домны Ивановны). Интрига этого текста создается тем, что у персонажей имеется баллончик с аэрозолем от насекомых, а средства от насекомых в ДЖС метафорически интерпретируются как алкоголь или наркотическое средство (что является и намеком на российские реалии, и аллюзией на повесть «Москва-Петушки» Вен. Ерофеева, в которой блестяще воспета эта подробность российского быта). Например, микроба Гришку «развозит» от борного спирта, который врач кондор Акоп закапывает в ухо крысе Надежде Пасюк («Элвис Пресли») [Там же, с. 57-58]), а жук-солдат Андреич вместе с женой пьют цианистый калий, разбавляя его метилом («Вопросы воспитания») [Там же, с. 62]).

Метафорический образ пирушки, рождающийся в результате переосмысления контакта насекомых с ядом, полностью мотивирует поведение клопа Мстислава (желание поговорить, песня). Однако разработка этого образа не сводится к проекции человеческой мотивации на насекомое: клоп поет человеческую песню, написанную на реальное стихотворение реального поэта, то есть ведет себя по-человечески. Выбор знаменитого стихотворения Е. Евтушенко, в свое время вызвавшего бурную реакцию благодаря откровенной эротичности, также уместен: в состоянии алкогольного опьянения сексуальность человека раскрепощается. Однако это человеческое измерение – в животном плане фраза «Постель была расстелена» приобретает дополнительный смысл и должна быть переосмыслена, поскольку постель – это место, в котором клопы нападают на своих жертв. Эти два смысла сосуществуют, создавая синкретичный смысловой узел.

В этом случае также актуализируется мотив «любви-поедания», который чрезвычайно типичен для цикла в целом. Козел Толик влюблен в ромашку Свету, с которой он беседует из-за забора («Козел Толик»), паук Афанасий – в муху Домну Ивановну («Травма»), волк Семен Алексеевич – в исландскую подданную селедку Хильду, «обитающую» в консервной банке с горчично-масляным соусом, которую волк безуспешно пытается вскрыть («Иностранка», «Новая жизнь Данте» и др.); воробей Гусейн проявляет сексуальный интерес к моли Нине, мухе Домне Ивановне, комару Томке и даже бабочке Кузьме («Защита Нины», «Педикюр» и др.), комар Стасик – к свинье Алле («Семейная сцена»). В случае клопа Мстислава объект «любви-поедания» не назван, однако он является анонимным и в стихотворении Е. Евтушенко.

Эта концепция любви не является единственной в цикле. В ДЖС имеется немало «парных», в том числе буквально, персонажей, которые принадлежат к одному биологическому виду («жук Андреич в сцеплении с женой Веркой (под ручку)» [Там же, с. 67], лягушка Самсон, которого его жена Женечка носит на спине, семейство блох и др.) или близким биологическим видам (ср. роман собаки Гуляша с гигиеной Зоей) и, по всей видимости, воплощают идею автора о крепких, счастливых семьях, в которых муж и жена должны быть похожи. Однако наличие этих двух рядов лишь акцентирует противопоставленность двух концепций любви и отношений.

Наконец, еще один мотив, который возникает во фрагменте, процитированном в начале статьи, – это погубленные предки Мстислава. Этот мотив является ключевым для его образа и определяет его поведенческую доминанту, неоднократно возникая в разных текстах ДЖС: «...клоп Мстислав снова и снова, сидя на простыне, клялся отомстить за кровь отца» [Там же, с. 86]; «Клоп Мстислав хранил память о расстрелянном отце и долго не решался жениться...» [Там же, с. 196]. В этом контексте, кстати, получает мотивировку имя клопа. Мотивировка имени поведением не очень типична для цикла. Однако значительная часть персонажей ДЖС также наделяются поведенческой доминантой, которая в той или иной форме определяет их животной природой (и пониманием этой природы в культуре): червь Феофан – это философ, который задается вопросом о том, зачем ему, червю, дана жизнь; кукушка Калерия постоянно подкидывает другим персонажам яйца и неоднократно бросает своего сына Шурку; леопард Эдуард, в соответствии с «благородством» его имени, является аристократом, который постоянно пьет кофе и ест пирожные, и т.д.

Не менее важной является амбивалентность связи образа клопа Мстислава и мотива крови. Тяга клопа к крови естественна, человеческая кровь является для него пищей. С другой стороны, кровь всегда связана со смертью (в том числе со смертью клопа, поскольку если насекомое раздавить, остается кровавое пятно). Это мотивирует автора использовать устойчивое выражение *отомстить за кровь*, которое имеет значение ‘отомстить за убийство’. Однако применительно к убитому клопу нельзя утверждать, что кровь является его собственной, это прежде всего кровь его жертвы. В результате наложения этого смысла выражение *отомстить за кровь отца* приобретает подтекстовое значение, поскольку речь идет о крови, не принадлежащей отцу, а отцом выпитой, – жертва, которой на первый взгляд является отец Мстислава, оказывается преследователем. Мы опять сталкиваемся с типичным для ДЖС смысловым синкретизмом, но в этом случае вокруг выражения концентрируются не самостоятельные, параллельные, а противоположные смыслы. Устойчивое выражение *раздавить как клопа* (‘без всяких усилий, с чувством отвращения к жертве уничтожить кого-либо физически или морально’ [6, с. 174]) не используется Л. С. Петрушевской, но переданные в нем ассоциации формируют образ, историю, жизненный мир клопа Мстислава.

Более прямолинейно мотив крови реализуется в другом тексте из цикла под названием «Карьерист»: «Клоп Мстислав устроился работать в лабораторию лаборантом, но пока что он был стажером, и его не ставили на анализ крови, а учили на других анализах. Он страстно мечтал о повышении, воображая себе тот момент, когда будет работать со шприцом, а пока что тщательно размазывал по стеклу и переливал то, что ему доверяли» [12, с. 38]. В этом примере естественная тяга клопа к крови, которая является для него пищей, находит прямолинейное выражение. Однако эта связь интерпретируется через понятия человеческого мира (устройство на работу, карьерные устремления). Такая мотивировка выбора профессии персонажем не является единичной, в целом в ДЖС животная природа определяет профессиональные занятия персонажей. Например, гадюка Аленка работает в аптеке («Автобус»), что отсылает к фармацевтической эмблеме, изображающей змею, обвившую чашу; муха Домна Ивановна работает кассиром в супермаркете («Марльборо-2»), что мотивировано образом мухи на продуктах в магазине; моль Нина работает парикмахером («Трудное детство» и др.), что мотивировано сходством между человеческими волосами и шерстью, и т.д. Хотелось бы обратить внимание на то, что мотивировки профессии персонажа имеют разные источники, которые могут быть как естественно-природными (шерсть – пища моли), так и собственно культурными (эмблема с изображением змеи).

Наконец, заслуживает внимания реакция на поведение клопа Мстислава со стороны мухи Домны Ивановны: «...однако нашлись и такие, которые ему завидовали: работа легкая, аппетитная, халатик зеленый, материалу хоть отбавляй, кругом аромат, – говорила муха Домна Ивановна, – а ты просто карьерист, Мстислав» [Там же]. В данном случае явления человеческого мира (профессия и связанные с ней обстоятельства, цвет одежды) оцениваются с точки зрения насекомого, то есть происходит проекция человеческого мира на мир животный. Наличие подобных случаев позволяет говорить о том, что проекция животного на человеческое в ДЖС дополняется своей противоположностью, то есть проекцией человеческого на животное. Об этом свидетельствуют также иллюстрации к ДЖС, выполненные автором лично, на которых изображены люди с едва намеченными животными признаками.

Таким образом, мы можем утверждать, что основным механизмом смыслопорождения в ДЖС являются взаимная метафорическая проекция животного и человеческого, а также смешение этих двух миров. Важную роль в формировании образов персонажей играют культурные ассоциации, в том числе закрепленные в устойчивых выражениях. Взаимная проекция и смешение двух миров приводят к параллельному сосуществованию самостоятельных смыслов, то есть речевому смысловому синкретизму. Механизм взаимной проекции двух миров дополняется отношениями другого рода, которые условно можно назвать «парадигматическими». В ДЖС обнаруживается немало персонажей, образы которых формируются на основании общего принципа, что позволяет, как минимум, выстроить их в ряд на основании их подобия; в некоторых случаях (ср. мотивы «любви-поедания», «парных персонажей», мотивировку профессии животной природой) за такими рядами обнаруживается общая, обладающая значимостью идея.

Список источников

1. Ахмерова Л. С., Ван Мэй. Лингвистический анализ сказки «Три сестры» (из цикла «Дикие животные сказки») // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: V Бодуэновские чтения / Казанский федеральный университет (Казань, 12-15 октября 2015 г.): в 2-х т. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2015. Т. 2. С. 24-26.
2. Бодрова Е. В. Антропонимическая система в художественном произведении Л. С. Петрушевской «Дикие животные сказки» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2008. № 1 (3). С. 92-96.

3. **Васильева Н. В.** Собственное имя в тексте: интегративный подход: дисс. ... д. филол. н. М., 2005. 238 с.
4. **Ватутина А. С.** Постмодернистский образ насекомого как квинтэссенция «высокого» и «низкого»: Д. Пригов, В. Пелевин, Л. Петрушевская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2-3. С. 219-223.
5. **Капинос Е. В.** Литературная муха Л. Петрушевской в притче о празднике и его завершении // Критика и семиотика. 2009. Вып. 13. С. 268-279.
6. **Лебедева Л. А.** Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь. М.: Флинта; Наука, 2015. 316 с.
7. **Маркова Т. Н.** «Дикие животные сказки» Л. Петрушевской // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 11 (152). С. 95-97.
8. **Мехралиева Г. А.** Литературная сказка в творчестве Л. С. Петрушевской: автореф. дисс. ... к. филол. н. Петрозаводск, 2012. 24 с.
9. **Мехралиева Г. А.** О системе заглавий сказок Людмилы Петрушевской // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 4. № 3 (35). С. 97-101.
10. **Мешерякова М. И.** Русская детская, подростковая и юношеская проза второй половины XX века: проблемы поэтики: монография. М.: Мегатрон, 1997. 380 с.
11. **Невярович Н.** Типы гротескных смещений в жанре «новой» русской сказки (на примере произведений Л. Петрушевской «Пуськи бятые» и «Дикие животные сказки») // Південний архів. Сер.: Філологічні науки. 2009. Вип. 45. С. 110-117.
12. **Петрушевская Л.** Дикие животные сказки. Морские помойные рассказы. Пуськи бятые. СПб.: Амфора, 2008. 402 с.

ON THE MECHANISMS OF SENSE CREATION IN “WILD ANIMAL TALES” BY L. S. PETRUSHEVSKAYA

Kletskaia Svetlana P'ichna, Ph. D. in Philology
Southern Federal University, Rostov-on-Don
kleckaja@inbox.ru

The article deals with mechanisms of sense creation in the cycle of “Wild Animal Tales” by L. S. Petrushevskaya. The author comes to the conclusion that the main mechanism is the mutual projection and mixing of human and animal worlds. By the example of the image of the bug Mstislav the paper examines the effects of this mutual projection, which leads to reconsideration of the attributes of two worlds and emergence of parallel meanings coexisting in the same context. The study also illustrates the existence of “paradigmatic” series of characters, built on the basis of their similarity or common idea that they embody.

Key words and phrases: “Wild Animal Tales”; Petrushevskaya; tale; literary fairy tale; author’s tale; zoomorphic metaphor; sub-text; semantic syncretism.

УДК 821.161.1

Статья раскрывает содержание понятия «христологические мотивы». Основное внимание автор акцентирует на современных подходах к мотивному анализу романа Ф. М. Достоевского «Идиот», в том числе на терминах «борьба мотивов», «сплетение мотивов». Воплощение диалектики творчества и философии писателя особенно заметно в упорядочивании им мотивов, в распределении их на отдельные мотивные комплексы. В статье говорится о сложной организации мотивной структуры в романе Ф. М. Достоевского «Идиот».

Ключевые слова и фразы: мотивика; роман Ф. М. Достоевского «Идиот»; христологические мотивы; «борьба мотивов»; христология.

Леушина Ольга Владимировна

Омский государственный педагогический университет
olga.skyward@gmail.com

МОТИВИКА РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Для мотивного анализа романа «Идиот» значимыми выступают следующие слова крупного исследователя творческого метода Ф. М. Достоевского И. Л. Альми о том, что «“узнаваемость” мотивов – следствие их глубочайшей традиционности» (причастности к традиции) [1, с. 269]. Для нас подобный вывод важен, поскольку мы полагаем, что комплексы мотивов в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» являют собой глубинную связь с христианской традицией.

В. А. Свительский, подчёркивая разную природу авторского «Я» у Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, в то же время приходит к важному, с нашей точки зрения, заключению: «Сюжетно-фабульное развитие у этих художников порой состоит из борьбы внутренних мотивов...» [16, с. 137]. На наш взгляд, анализ мотивики романа «Идиот» предполагает проведение исследования на основе углублённого изучения явления «разветвления», «сплетения» и «борьбы мотивов», а также динамики сюжетно-мотивной структуры.

Своеобразную «двойственность» в организации мотивной структуры произведений Ф. М. Достоевского отмечают в своих исследованиях следующие литературоведы: Н. Ф. Буданова, Р. Я. Клейман, Л. М. Лотман, Г. М. Фридендер, В. В. Иванов, Т. А. Касаткина. В работах учёных присутствует прямое или косвенное